

**АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И СТАНОВЛЕНИЕ
НАУКИ В БЕЛАРУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)**

Нет необходимости приводить доводы в доказательство весомой роли академика Евфимия Карского (1860–1931) в становлении белоруссистики. Автор многотомного фундаментального труда «Белорусы» (3 тома, 5 частей, 1903–1921 гг.) Е. Ф. Карский уже при жизни воспринимался в качестве классика и был охарактеризован при его избрании в действительные члены Академии наук как «основатель белорусского языкознания и белорусской филологии» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 163. Л. 110].

Между тем, стоит представить этого ученого как талантливого организатора науки и резюмировать многогранную деятельность Е. Ф. Карского в этой области, осветив материалы его фонда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН. Ф. 292).

Можно выделить отдельные аспекты деятельности Е. Ф. Карского, сыгравшие свою движущую роль в становлении науки в Беларуси.

1. *Деятельность Карского в академических организациях Беларуси.* Документы фонда ученого освещают историю отношений Е. Ф. Карского с предтечей Национальной Академии наук Беларуси – Институтом белорусской культуры. В начале 20-х гг. Е. Ф. Карский состоял в переписке с инициатором создания и первым председателем Инбелкульта С. М. Некрашевичем. В сво-

ем первом письме от 5 января 1922 г. С. М. Некрашевич предложил Е. Ф. Карскому занять должность директора только что созданного Института [Оп. 2. Д. 99. Л. 1]. Этот проект, как известно, не был осуществлен, и председателем Инбелкульта был назначен сам С. М. Некрашевич. Между тем, С. М. Некрашевич, считая себя учеником Е. Ф. Карского, в письмах подробно сообщал о своей профессиональной деятельности, связанной с работой Инбелкульта, об основании там Отдела языка и литературы, о написании им белорусско-русского и русско-белорусского словарей, о проведении академической конференции по вопросам грамматики и орфографии белорусского языка 14 ноября 1926 г. (результаты которой ученый довольно подробно осветил, сопровождая это описание своей скептической оценкой) и пр. [Оп. 2. Д. 99].

2. *Участие в работе и поддержка научных обществ, занимающихся изучением белорусского языка и культуры.* В письме от 10 августа 1918 г. председатель и секретарь Белорусского научно-культурного общества в Москве уведомили Е. Ф. Карского о его избрании в почетные члены на заседании Общего собрания общества 14 июля 1918 г. – первом собрании общества, созданного при содействии Белорусского национального комиссариата [Оп. 1. Д. 2. Л. 12]. Общество планировало широкую издательскую деятельность, но, к сожалению, большинство из задуманного так и не было реализовано, хотя имя Е. Ф. Карского сохранилось в изданиях этого общества – в публикации труда, к которому прилагалась составленная им карта [Курс белорусоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года с библиографическим указателем по каждому вопросу и с приложением этнографической карты белорусского племени Е. Ф. Карского. М., 1918].

Другой пример – поддержка Белорусского научно-литературного кружка студентов Санкт-Петербургского университета, организованного в весеннем семестре 1912 г. Устав этого кружка провозглашал своей целью «научное ознакомление с духовною (язык, литература, народная словесность) и общественной (этнография, статистика, народное хозяйство) жизнью белорусского народа» [Оп. 1. Д. 116. Л. 6].

В отчете кружка за 1912 г. напечатаны тексты приветственных выступлений профессоров Санкт-Петербургского университета, а также других исследователей белорусского языка и этнографии, в том числе одного из основателей белорусской этнографии Е. Р. Романова. «Проф. Е. Ф. Карский также очень сочувственно отнесся к Белорусскому кружку», выделяя в своем приветственном слове в его адрес три необходимых направления исследований, в которых кружок может помочь белорусистике. Первое из них – сбор материала для белорусского словаря. Идеей создания белорусского словаря, который должен был дополнить словарь И. И. Носовича 1870 г., Е. Ф. Карский был охвачен на протяжении ряда лет, привлекая к участию в работе белорусских исследователей. В частности, переписка с Е. Р. Романовым (за 1902 г.) указывает на то, что в работе над словарем, кроме самого Е. Р. Романова, должны были принять участие белорусские исследователи из Вильно, Витебска (в том числе Н. Я. Никифоровский, А. П. Сапунов), а также находившийся тогда в Киеве М. В. Довнар-Запольский [Оп. 2. Д. 129. Лл. 9 об., 33]. Осуществить же этот замысел суждено было в 1925 г. ученику Е. Ф. Карского С. М. Некрашевичу.

Второе, указанное Е. Ф. Карским направление – «группировка по сюжетам белорусских народных песен и сказок», и третье – выделение самостоятельного в языке от заимствованного. Работа эта представляла собой исключительную сложность в ситуации, о которой пишет Е. Р. Романов, уже для XVII в.: он изучил один белорусский текст, написанный в Рогачеве «канцелярским крючком XVII века», который оказался наполненным полонизмами. «Как тут писать историю белор[усского] языка...» – сокрушается исследователь [Оп. 2. Д. 129. Л. 18]. Еще более тревожную картину Е. Р. Романов обрисовал для позднейшего времени; в письме Е. Ф. Карскому от 5 февраля 1917 г. он пишет: «Но теперь, когда наша несчастная Белая Русь в сущности погибла – западная часть уже будет наполовину с тевтонской кровью, восточная восприняла в себя язык, нравы, обычаи, песни и т. д. <...> польские, литовские, латышские, малорусские <...>, и уже невозможно будет найти теперь чистый тип белоруса...» [Оп. 2. Д. 129.

4. *Организация и поддержка научных исследований в области белорусского языка и культуры.* Подобными примерами насыщена вся переписка ученого. В фонде академика сохранился большой пласт писем, которые при поступлении в архив находились в отдельной пачке, обозначенной Е. Ф. Карским «Белорусская этнография». Другие корреспонденты тоже в своем большинстве так или иначе занимались проблемами белорусской этнографии. География адресантов весьма обширна и охватывает едва ли не все области с белорусским населением. В 1896 г. Е. Ф. Карский разослал белорусским исследователям (в частности, Н. Я. Никифоровскому и Е. Р. Романову) программу по исследованию белорусских говоров, в которой те должны были принять свое участие [Оп. 2. Д. 129. Лл. 1, 2; Д. 101. Лл. 3–4, 7–8 об.].

С. М. Некрашевич в свое время именно так и оценил участие Е. Ф. Карского в белорусской науке: «Работать над исследованием белорусского языка, руководить другими в области этих исследований и одновременно с этим готовить тот профессорский кадр, который так необходим для белорусского университета и вообще для Белоруссии» [Оп. 2. Д. 99. Л. 1 об.].

5. *Организация и поддержка научных изданий и отдельных публикаций.* Переписка ученого изобилует такими примерами. Это и участие в публикации работ П. А. Бузука (вплоть до вычитки его корректурных оттисков), в том числе в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук», и активное рецензирование трудов Н. Я. Никифоровского, Е. Р. Романова, включая консультирование последнего по вопросам содержания его известного «Белорусского сборника» [Оп. 2. Д. 17; 101; 129] и пр.

7. *Организация научного книгообмена.* Этот аспект деятельности отражен в переписке едва ли не со всеми исследователями, а также с белорусским издательским обществом под председательством В. Н. Ивановского «Загляне сонцэ і ў нашэ ваконцэ» (в 1906, 1911 гг.) [Оп. 2. Д. 54].

8. *Популяризация языковых и этнографических исследований.* Сам Е. Ф. Карский активно печатался не только в научных изданиях. В фонде академика сохранились статьи с заметками

из различных белорусских газет [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1]. Об этом же свидетельствует его переписка с Е. Р. Романовым, работавшим в 1897–1903 гг. редактором неофициальной части газеты «Могилевские губернские ведомости» [Оп. 2. Д. 17; 101; 129] и др.

9. *Непосредственное участие в судьбе отдельных исследователей.* Один из ярких примеров – отношения Е. Ф. Карского и Е. Р. Романова. Первый сюжет этого рода – содействие в переводе могилевского исследователя на другую службу, когда Е. Ф. Карский оказался, по словам самого Е. Р. Романова, единственным, кто «откликнулся так сочувственно и так искренне» [Оп. 2. Д. 29. Л. 15] в трудной жизненной ситуации, когда исследователь в 1903 г. вынужден был поменять место работы и проживания. Е. Ф. Карский не прекращал своей помощи (вместе с А. А. Шахматовым) Е. Р. Романову и в позднейшее время, вплоть до попытки устройства его судьбы в 20-е гг., когда Е. Ф. Карский оказался среди инициаторов (а С. М. Некрашевич – среди исполнителей) выплаты ассигнования Е. Р. Романову и перевода его в Минск [Оп. 2. Д. 129; Д. 99. Л. 1 об.]. Переводу не суждено было осуществиться в связи с кончиной Е. Р. Романова 20 января 1922 г. во время его нахождения в Ставрополе.

С просьбой о ходатайстве при переводе в Виленский округ обращался также Н. Я. Никифоровский [Оп. 2. Д. 129; Д. 101. Лл. 9–10].

К 1929 г. относится другой блок документов: дело о предоставлении в члены АН СССР М. В. Довнар-Запольского, которое содержит биографические сведения об ученом, перечень важнейших трудов, отзыв о научных трудах, составленный академиком М. М. Богословским, а открывается отношением к Е. Ф. Карскому от московского профессора А. Н. Петрова, который от имени научных работников г. Москвы выдвинул М. В. Довнара-Запольского в качестве кандидата в члены АН СССР по кафедре истории. Отношение завершается просьбой к Е. Ф. Карскому присоединить свою подпись к заявлению [Оп. 1. Д. 4].

Столь многоплановую картину дает лишь небольшой блок архивных документов, хранящих память об академике Е. Ф. Карском, находящийся в фонде ученого в СПФ АРАН.

Л. 23]. Е. Ф. Карский завершил свое приветственное слово важной мыслью: «Улучшить наше благосостояние умственное и нравственное, ведь, только и возможно при тесном единении с русской культурой и наукой. Это, ведь, не равносильно уничтожению наших национальных черт» [Оп. 1. Д. 116. Л. 7].

Необходимо также вспомнить почетное членство Е. Ф. Карского в Витебской губернской ученой архивной комиссии, работавшей в 1909–1918 гг. и возникшей по инициативе Е. Р. Романова, А. П. Сапунова и В. С. Арсеньева.

Переписка Е. Ф. Карского содержит также указания на поддержку ученым просветительских белорусских организаций: Белорусского общества в Вильно (1912 г.) [Оп. 2. Д. 64], организовывавшегося Белорусского общества в Могилеве, инициатором и составителем устава которого был Е. Р. Романов. Он 2 сентября 1905 г. послал Е. Ф. Карскому Устав Белорусского общества с просьбой поддержать его начинание [Оп. 2. Д. 129. Л. 32].

3. *Участие в создании и становлении Белорусского университета в Минске.* 6 августа 1920 г. Минский губернский Отдел народного образования выдал мандат за № 449, которым удостоверилось, «что Университетская Комиссия при Минском Отделе народ[ного] образования командировывает в Москву и Петроград делегацию в составе профессора Е. Ф. Карского, доктора С. Д. Каинского, доц. Л. Б. Слепяна и учен. агроном. Н. К. Ярошевича для совещаний с Главной Комиссией по открытию Государственного университета в Минске, для переговоров с кандидатами на кафедры при Минском Университете и для выяснения всех других вопросов, связанных с открытием Минского Университета» [Оп. 1. Д. 105. Л. 2].

Связи Е. Ф. Карского с открывшемся в 1921 г. Университетом, не прекратившиеся и впоследствии, также отражены в ряде документов СПФ АРАН. Самому ученому несколько раз направлялись предложения о преподавательской работе в Университете. Первое из них – от 3 июля 1922 г., подписанное деканом факультета Общественных наук Белорусского государственного университета, которым тогда был В. М. Игнатовский, обратившимся к Е. Ф. Карскому с просьбой «прочитать в Университете

в 1922/23 академическом году курсы: русского, белорусского и церковно-славянского языков и русской диалектологии, приезжая для этого в город Минск на один месяц в течение каждого семестра». 18 августа 1924 г. в своем очередном письме С. М. Некрашевич, будучи тогда в должности заместителя Главпрофобра, обратился с новым предложением – «занять должность профессора Белорус[ского] гос[ударственного] университета по кафедре истории белорусского языка и штатную должность действительного члена Инст[итута] белорус[ской] культуры» [Оп. 2. Д. 99. Л. 4 об.].

Проявлением организационного участия в судьбе Университета можно считать привлечение к работе видных ученых. Одним из таких сюжетов является посыл к переезду из Одессы в Минск известного слависта П. А. Бузука, ставшего впоследствии директором Института языковедения АН БССР. Активное содействие в назначении и переезде в Минск одесского лингвиста оказал С. М. Некрашевич, который, однако, в своем письме к Е. Ф. Карскому от 25 ноября 1925 г. указывает: «Хотя, впрочем, он [П. А. Бузук – Л. Б.] передавал, что мысль о переезде в Минск впервые ему подали Вы», а далее добавляет: «С приездом Бузука наше лингвистическое отделение оживет. Ведь до недавнего времени у нас не было ни одного лингвиста» [Оп. 2. Д. 99. Лл. 7–7 об.].

Еще одна важная составляющая – методическая помощь в организации учебных дисциплин. По крайней мере, один пример такого рода можно привести на основании переписки ученого. Считая себя учеником Е. Ф. Карского, С. М. Некрашевич в письме от 27 июля 1922 г., сообщая о том, что он приступает к подготовке чтения курса белорусского языка на медицинском факультете, советовался с академиком по научно-методическим вопросам: «1) в каком объеме Вы считали бы целесообразным это преподавание, 2) какие пособия могут служить при чтении лекций по этому предмету; 3) какие научные дисциплины Вы порекомендовали бы проштудировать, чтобы считать себя подготовленным для этой работы и для работы в области истории белорусского языка» [Оп. 2. Д. 99. Лл. 2–2 об.].